Моя фамилия на двери

Анна Безфамильная

Анна Безфамильная

Моя фамилия на двери

«Автор»
2026

Безфамильная А.

Моя фамилия на двери / А. Безфамильная — «Автор», 2026

В день развода фотограф Вера Лебедева получает макет каталога будущей выставки. На обложке — имя бывшего мужа. Под её снимками — его подпись. Для неё самой нашлось место только в благодарностях.До открытия неделя. Вера собирает архив, возвращается в небольшую фотолабораторию и впервые решает сама, какие работы показывать и как их подписывать. Рядом оказывается Михаил — человек, который помнит её ещё до общей студии и громкой вывески. С ним легко спорить о бумаге и неожиданно трудно говорить о личном.Впереди последняя общая выставка, незаконченные разговоры и близость, в которой придётся заново учиться доверию.Законченная романтическая повесть о женщине, которая возвращает себе профессию, голос и собственное имя.

© Безфамильная А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая подпись 5
Глава 2. Проявочная 8
Глава 3. Четырнадцать кадров 11
Глава 4. Без помощницы 14
Глава 5. Цена бумаги 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анна Безфамильная
Моя фамилия на двери

Глава 1. Чужая подпись

На обложке каталога стояло имя Антона. Под ним — Нинины руки, сложенные на коленях так, будто она держала что-то хрупкое и невидимое.

Вера увеличила снимок двумя пальцами. На правом указательном остался напёрсток. Она сама попросила Нину не снимать его: металлический ободок оставил на коже светлую полосу, и без него рука казалась раздетой.

«Антон Лебедев. Люди после закрытия».

Сообщение пришло, когда они с Антоном ещё стояли под козырьком. Дождь стекал с прозрачной крыши на край тротуара. Вера держала папку с документами под мышкой, Антон пытался открыть зонт одной рукой. Второй он прижимал к уху телефон.

— Да, получил, — сказал он кому-то. — Сейчас посмотрю. Нет, печатать пока не надо.

Месяц назад, когда они подавали заявление, в этой же папке лежали два паспорта. Теперь каждый держал свой. Вера не чувствовала ни облегчения, ни обещанной пустоты. Ей хотелось переставить тяжёлую сумку на другое плечо и найти место, где можно было спокойно прочитать несколько страниц.

— Ты каталог видел? — спросила она, когда Антон убрал телефон.

— Это предварительный файл. Я тебе и переслал.

— На обложке твоя фамилия.

Он посмотрел на экран, как смотрят на просьбу ещё раз проверить уже проверенный адрес.

— Она и твоя, Вер.

— Имя тоже твоё.

— Макет собран по афише. Ася ждёт замечаний до завтра. Я сейчас между встречами, давай не под дождём.

Он раскрыл зонт и привычно подвинул его к Вере. Она уже шагнула ближе, но остановилась. До остановки было недалеко, капюшон лежал в сумке. Всё это можно было решить без общего зонта.

— Я посмотрю весь файл и напишу, — сказала она.

— Конечно. Только сначала доедешь и поешь. Ты с утра ничего не ела.

Это было правдой. Утром Вера выпила кофе над раскрытым чемоданом, в котором искала тонкую папку. Антон умел говорить правду так, что следующая фраза уже казалась излишней. Она почти ответила, что в холодильнике у неё есть суп. Потом вспомнила: о её холодильнике он больше ничего не знал.

— Хорошо. Напишу сегодня.

— Мне нужно в студию. Подбросить?

Вера показала на остановку.

Антон кивнул, убрал телефон во внутренний карман и пошёл к машине. Левый угол зонта был загнут. Они собирались купить новый ещё весной.

В автобусе Вера не села. Папка с документами мешала держаться за поручень, каталог на телефоне всё время сворачивался. На третьей странице был человек из часовой мастерской. Вера помнила зелёный свет настольной лампы и запах смазки. На пятой — продавщица цветов, которая после закрытия перебирала подсохшие розы. На шестой снимал Антон: его кадр с механиком, широко поставившим ноги перед поднятой машиной.

Вера узнала не только фотографии. На полях остались её короткие названия. «Перерыв в девять». «Последний покупатель». «Свет до утра». Когда зимой они обсуждали серию, Антон сказал, что эти подписи помогают связать очень разных людей. В каталоге они выглядели аккуратно: тонкий шрифт, много воздуха, белые страницы.

Под каждым снимком стояла одна строка: «А. Лебедев».

Автобус качнуло. Вера взялась за поручень обеими руками, телефон остался зажат между ладонью и пластиком. Женщина рядом подвинула к себе хозяйственную сумку и освободила сиденье.

— Садитесь, а то уроните.

Вера поблагодарила и села. Ей было тридцать шесть лет, она пятнадцать лет снимала людей, а сейчас не могла придумать предложение, которое не начиналось бы с оправдания.

В съёмной квартире ещё пахло средством для мытья пола. Хозяйка оставила на кухне три разных кружки и жестяную банку с надписью «Чай», в которой оказались пакетики сахара. Вера разогрела суп, съела несколько ложек стоя, потом заставила себя убрать телефон на подоконник и сесть за стол.

Квартира была маленькая, но ей не приходилось спрашивать, можно ли поставить стол у окна. Две недели назад она уже передвинула его сама. На столе лежали рабочий ноутбук, кардридер, тканевый ремень от камеры. Под столом стоял закрытый ящик с дисками.

Антон предлагал оставить всё в студии до окончания раздела оборудования.

— Ты же там работаешь, зачем таскать?

Вера не смогла тогда объяснить, почему хочет увезти именно архив. Сказала, что дома будет разбирать серию. Он пожал плечами, помог донести ящик до машины и попросил не потерять переходник.

Теперь она вытащила ящик на середину комнаты.

Под крышкой обнаружился листок, на котором Вера неделю назад считала расходы. Аренда, залог, связь, дорога, обычная еда. Накоплений хватало примерно на три месяца, если не покупать ничего крупного. Она не любила эту бумажку и всё же не выбрасывала: цифры были понятнее страха, который утром мог растянуться на целый день.

Внизу она оставила место для новых заказов. Один уже был вписан — семейная съёмка, которую надо закончить к воскресенью. Рядом Вера поставила маленькую галочку. Потом нашла в сумке квитанцию из хозяйственного магазина: настольная лампа и удлинитель. В квартире не оказалось розетки возле окна, и это была первая задача, которую она решила после переезда.

Провод больше не лежал поперёк прохода. Вера сама закрепила его вдоль плинтуса, трижды переклеивая зажим, который не хотел держаться. Сейчас она переставила ящик так, чтобы до него было легко дотянуться со стула, и включила лампу.

С общими вещами им ещё предстояло разобраться. Бухгалтер готовила перечень оплаченных заказов и предоплат. Соглашение о технике они договорились обсуждать отдельно, с человеком, который умел читать подобные бумаги без раздражения. Вера записала всё это в календарь на следующую неделю. Каталог там не значился.

Она открыла его на ноутбуке. Большой экран сделал фотографии спокойнее и убедительнее. Чужая подпись перестала казаться случайностью, которую можно было списать на маленький экран.

Вера набрала Антону.

— Я посмотрела. Под моими снимками тоже написано «А. Лебедев».

— Это подпись автора проекта. Серию же я собирал.

— Серию собирали мы оба. А эти кадры снимала я.

— Я не говорил, что ты не снимала. Просто выставка давно заявлена от студии. Сейчас переделывать всю историю за неделю…

— Студия называется «Лебедев. Свет». Здесь написано «Антон Лебедев».

Он замолчал. В трубке что-то коротко звякнуло: вероятно, чашка о край стола. Вера знала этот звук. На столе в студии лежала стеклянная подкладка, и Антон постоянно ставил кружку прямо на неё.

— Что ты предлагаешь?

— Пока — не отдавать каталог в печать. Я пришлю список своих фотографий. Под ними должно быть моё имя.

— Давай без слова «должно». Есть договорённости с галереей, дизайнер, расходы. Я всё это веду с марта.

— Я помню. И не собираюсь убирать твоё имя с твоих кадров.

Ей хотелось добавить что-нибудь мягкое. Что она не пытается испортить открытие. Что понимает его усталость. Она уже набрала воздух, но Антон заговорил первым:

— Ладно. Пришли свои замечания. Я посмотрю, как это оформить.

— Нет, Антон. Ты посмотришь не вместо меня. Мы обсудим.

Слова вышли сухими, почти деловыми. Вера даже отодвинула телефон от лица, будто говорила слишком громко. Но Антон только ответил:

— Хорошо. Обсудим. У меня сейчас человек.

После звонка она проверила почту. В переписке с дизайнером её адреса не было. Каталог прислал Антон обычным сообщением — без темы, без других получателей. Приглашение на открытие лежало в календаре: следующий четверг, девятнадцать часов. Галерея «Переход».

Вера открыла новую заметку и написала: «Фотографии. Подписи. Состав выставки». Ниже поставила дату. Потом создала папку, назвала её своим именем и сохранила туда полученный файл, не меняя названия.

На улице уже начинало темнеть. Окна соседнего дома загорались по одному. Вера хотела сварить ещё кофе, но нашла в ящике пакетик обычного чёрного чая. Пока закипал чайник, она дошла до последней страницы каталога.

Там были логотип галереи, имена дизайнера и координатора, адрес типографии. Всё настоящее, всё нужное. Под ними располагался раздел, который она прежде не открывала.

«Отдельная благодарность Вере Лебедевой за помощь в подготовке проекта».

Глава 2. Проявочная

У двери лаборатории Вера остановилась, чтобы протереть очки. Она никогда не носила их на съёмке, но вечером, после автобуса и ноутбука, буквы на ценниках расплывались. За стеклом горел свет. На двери висела табличка «Открыто до 20:00», а ниже кто-то от руки приписал: «Если не застрял принтер».

Вера вошла за двадцать минут до закрытия.

Внутри было теплее, чем она ожидала. Возле батареи сушилась куртка с мокрыми плечами, на полке стояли рулоны бумаги в тёмных упаковках. За стойкой мужчина в сером джемпере заклеивал картонную коробку. На его руке, чуть выше запястья, белел узкий старый шрам.

— Миша?

Он поднял голову.

— Вера Лебедева.

Она улыбнулась раньше, чем успела решить, будет ли улыбаться.

— Я не знала, что это твоя лаборатория.

— Уже пятый год. Я и сам иногда вспоминаю с удивлением.

— А вывеска с улицы новая?

— Третья. Первая выгорела, вторую сорвало ветром. Эту я прикрутил четырьмя шурупами. Возлагаю надежды.

Вера стянула капюшон. Они не виделись, должно быть, лет семь. Раньше Михаил работал в большой лаборатории возле рынка. Вера приносила туда плёнку в бумажном пакете и просила не выравнивать ей все кадры до одинаковой серости. Он был единственным, кто не вздыхал на слове «контраст».

— Ты всё ещё просишь оставить тени чёрными? — спросил он.

— Смотря какие тени.

— Хороший ответ. На собеседовании прошла бы.

Он положил коробку на нижнюю полку и освободил кусок стойки. Вера достала ноутбук.

— Мне нужны пробы. Часть с файлов, часть, возможно, с плёнки. Я пока не знаю точный состав.

— К какому сроку?

Она назвала четверг.

Михаил посмотрел на настенные часы, затем перевёл взгляд на неё.

— Следующий?

— Да.

— Большие отпечатки?

— До пятидесяти по длинной стороне. Но сначала маленькие. Я не хочу заказывать двадцать больших вещей вслепую.

— Уже люблю этот заказ.

Вера открыла папку с серией. Показывать каталог она не стала. Выбрала пять собственных кадров, которые помнила без всякой проверки: мастерская Нины, продавщица цветов, часовщик, уборщица в пустом торговом зале, парень у запертого павильона с аквариумами.

Михаил не стал листать быстро. Снимок Нины он увеличил и наклонил экран чуть ближе к себе.

— На этой бумаге стена может уйти в пятно, — сказал он. — Если хочешь оставить рисунок штукатурки, надо посмотреть светлее.

— Не хочу светлее лицо.

— Лицо не тронем. Можно попробовать другой вариант бумаги. У меня есть остаток одной партии, хватит на пробы. Для тиража придётся заказывать.

Он не спросил, почему она пришла одна. Не произнёс имени Антона. От этого Вере стало легче говорить о том, ради чего она действительно вошла в дверь.

Они полчаса сравнивали поверхности, вынимали из конвертов образцы, подставляли под лампу.

На одном и том же изображении чёрная ткань то собиралась в глухое пятно, то начинала блестеть, как дешёвая подкладка. Вера поворачивала лист, отступала на шаг и возвращалась к столу. На экране это различие можно было не заметить. На бумаге оно меняло человека: уверенный жест вдруг становился скованным, лицо казалось отрезанным от комнаты.

— Эту не хочу, — сказала она, указав на самый гладкий образец.

— Хотя она дороже, — заметил Михаил.

— Тем более.

Он положил лист в другой конверт, не пытаясь её переубедить. Потом достал небольшой отпечаток в хлопчатобумажном защитном кармане и предложил посмотреть фактуру у окна. Вера подняла его к свету. Поверхность не отражала потолочную лампу прямоугольником; тени оставались глубокими, но в них различались складки ткани.

— Вот эту попробуем. Только я хочу увидеть на ней свой кадр.

— Для этого пробы и существуют.

Вера держала бумагу только за края. Михаил передал ей один отпечаток без предупреждения, и она машинально положила его на ладонь, не коснувшись изображения.

— Руки помнят, — заметил он.

— Они работают вообще-то.

— Вижу.

Он сказал это ровно, без улыбки. Вера поняла, что ответила резче, чем требовалось.

— Прости. Я сегодня не очень хорошо разговариваю.

— Тогда можно пока про бумагу.

Михаил достал калькулятор, записал на обратной стороне чистого бланка несколько цифр. Отдельно обозначил цифровую печать, ручную работу с негативом, сканирование, пробные листы. Спросил, есть ли у неё бюджет на переделки.

— Есть запас, — сказала Вера. — Но не бесконечный.

— У всех, кто говорит «не бесконечный», с бюджетом лучше, чем у тех, кто говорит «деньги не вопрос».

Она засмеялась. Смех получился коротким, неожиданно громким для маленькой комнаты.

— Сначала пять проб, — решила она. — Потом выберу. За ручную печать заплачу отдельно, если дойдём до неё.

— Договорились. Я пришлю расчёт, не устный. Срок назову после файлов и негативов. Если увижу, что не успеваем, скажу сразу.

Вера кивнула и ещё раз прочитала написанные цифры. Обычный заказ. Человек за стойкой не предлагал ей ни скидку за знакомство, ни участие в чужой жизни. Она могла принять условия, изменить их или уйти.

Михаил вытащил из ящика конверт и наклеил на него белую полоску.

— Как подписать проект?

— «Люди после закрытия».

Он написал название, помедлил над следующей строкой.

— Заказчик?

Вера почувствовала, как язык уже выбирает привычные слова: студия, Антон, общий номер. Она положила ладонь на край стойки.

— Вера Лебедева. Контакты мои.

Михаил записал её имя. Попросил продиктовать телефон и почту, повторил адрес по буквам. Ни в одной из этих фраз не было торжественности. Просто существовала строка, которую надо было заполнить правильно.

За дверью кто-то подёргал ручку. Вера обернулась. На стекле отражался молодой человек с оранжевым пакетом.

— Я только забрать, — крикнул он.

Михаил впустил его, выдал заказ и попросил проверить углы рамки до выхода на улицу. Парень разорвал упаковку слишком далеко от края, выругался вполголоса и стал собирать пенопласт с пола. Вера придержала дверь, пока Михаил запечатывал пакет заново.

— Ты должен уже закрываться, — сказала она, когда посетитель ушёл.

— Должен был. Я плохо рассчитываю, сколько займёт слово «только».

Он проверил телефон. На экране было несколько непрочитанных сообщений.

— Ты можешь скинуть эти пять файлов сегодня? В полном размере. Не из мессенджера.

— Да. У меня всё на диске. А плёнку я ещё разберу.

— Оригиналы оставляй у себя, пока не решим, что печатаем. Для просмотра привезёшь отрезки, потом заберёшь обратно. И не присылай единственную копию папки.

— У меня три.

— Тогда я помолчу.

Он поднял руки, будто действительно отказывался от продолжения. Вера увидела серые следы краски на пальцах. На указательном ноготь был коротко подрезан с одной стороны, и она вдруг слишком отчётливо представила, как эта рука держит маленький лист за белую кромку.

Ей пришлось посмотреть на экран ноутбука.

— Завтра после обеда я могу заехать с архивом. У тебя будет время?

Михаил открыл блокнот. Несколько строк уже были вычеркнуты, одна обведена дважды.

— В пять. До шести у меня потом человек с большим заказом. Лучше без «я только на минутку».

— Постараюсь уложиться в пятьдесят девять.

Она убрала ноутбук и взяла бланк с расчётом. Михаил хотел помочь сложить бумажные образцы, но остановился, увидев, что она уже выбрала нужный конверт.

— Этот можно забрать, — сказал он. — Вернёшь, когда выберешь.

На улице дождь почти кончился. Вера застегнула куртку, а очки убрала в футляр, не надевая. Через дорогу горела аптека, мимо прошёл человек с собакой, которая останавливалась у каждой мокрой урны. Обычный вечер продолжался, хотя весь день ей казалось, что кто-то забыл переключить город на другое время.

Дома она сначала поставила чайник, потом подключила диск. Создала отдельную папку для печати и скопировала туда пять файлов. В имени каждого сохранила исходный номер. В письме Михаилу указала размер, бумагу для первой пробы и свой телефон.

Перед отправкой Вера открыла расчёт ещё раз. На белой полоске конверта, который лежал рядом с ноутбуком, было написано её имя.

Она переписала его в подпись к письму полностью.

Глава 3. Четырнадцать кадров

В пятницу Вера проснулась от сигнала машины под окном и несколько секунд искала рукой телефон на чужой половине кровати. Телефон лежал на стуле, куда она сама положила его вечером. Второй половины здесь вообще не было: диван раскладывался только вперёд.

Она села, нащупала тапки и пошла ставить кофе.

На сегодня в календаре значилась обработка семейной съёмки и визит в лабораторию. Семья ждала фотографии к воскресенью. Вера подвинула этот заказ на утро и два часа отбирала кадры, на которых дети не отворачивались одновременно. На одном отец, большой серьёзный мужчина, безуспешно пытался заплести дочери косу. Вера оставила снимок, хотя глаза у девочки были закрыты. Смех и без глаз получался убедительным.

Раньше готовую папку забирал Антон, писал клиенту и отправлял ссылку. Этот заказ пришёл к Вере напрямую, от женщины, которую она снимала ещё в ожидании первого ребёнка. Договорённость об оплате и разрешении на публикацию они тоже обсуждали сами. Вера проверила адрес, отправила пробные кадры, поставила напоминание о финальной выдаче.

Клиентка ответила почти сразу: «А ту, где коса, можно тоже? Муж просил».

Вера допила кофе, уже остывший, и выдвинула ящик с архивом.

Ей хотелось сразу открыть нужную папку и через десять минут получить правильный список. Архив этому желанию не соответствовал. Один диск требовал старого кабеля. Во второй коробке лежали конверты с плёнкой, гарантийный талон от давно проданной камеры и пакетик силикагеля, из которого высыпались прозрачные шарики. Вера собрала их ладонью, выбросила в ведро и села на пол.

Она разложила перед собой каталог, напечатанный на обычном офисном принтере. На каждом листе было по два изображения. Рядом положила карандаш, линейку и несколько чистых карточек.

Часовщика она нашла быстро. Папка называлась по дате, внутри остались исходники и короткие видеопробы света. В одном ролике было слышно, как он просит не показывать всем номер на старой квитанции. Вера наклонила монитор: на готовой фотографии квитанция была повернута чистой стороной.

Она записала исходный номер и отметила, где лежит согласие на показ.

Продавщица цветов нашлась в другой папке, со старым рабочим названием «Вечерние». В письме женщина уточняла, будет ли фотография чёрно-белой. Вера отвечала сама; подпись под письмом была общей, студийной. Она помнила, что Антон тогда возил её по городу и держал второй фонарь. Он действительно помогал. Ей не требовалось превращать его в человека, которого на этих съёмках вообще не существовало.

Но камеру держала она.

На третьем листе каталога Вера увидела другую историю. Кадр с механиком снимал Антон. Она в тот день сидела дома с температурой и отбирала свадебный заказ. Он вернулся поздно, мокрый и довольный: свет из смотровой ямы лёг именно так, как хотелось. Вера помнила, как они вместе выбирали между двумя почти одинаковыми снимками. В одном рука закрывала лицо, другой оказался точнее.

Под этой фотографией она написала: «Антон». Без оговорок и пометок на полях.

Работа пошла медленнее, чем ожидалось. За каждым кадром находились разговоры, счета, черновые обработки. Иногда папка лежала там, где ей и полагалось. Иногда Вера вспоминала, что за неделю до съёмки меняла диск, и искала старую копию. Портрет Нины сохранился в виде скана и узкой плёночной полоски, вложенной в прозрачный карман. На соседнем кадре Нина смотрела в объектив сердито, будто Вера явилась требовать с неё недошитое платье.

На выбранном снимке она уже забыла про камеру.

Вера поднесла полоску к окну и придержала за перфорацию. Ей захотелось увидеть изображение на бумаге ещё раз, без экрана. Не срочно и не назло Антону. Просто этот кадр стоил того, чтобы его напечатали как следует.

К часу на столе лежали четырнадцать карточек с её именем и шесть — с именем Антона.

Вера пересчитала их дважды. Затем свела номера в таблицу.

В свойствах одного исходника поле с именем было заполнено общим названием студии. Вера нахмурилась, открыла соседний файл и увидела то же самое. Когда-то они настроили камеру перед длинной съёмкой, чтобы при передаче файлов везде оставался рабочий контакт. Она помнила тот день, вплоть до футляра с запасным аккумулятором, который Антон потерял и нашёл у себя в кармане.

Изменить поле можно было за несколько секунд. Вера попробовала на копии, набрала своё имя и остановилась. Простая строка в окошке не сохраняла ни зимнего вечера, ни голоса часовщика, ни того, как она просила его немного повернуться к лампе.

Она закрыла копию, не записав изменения. Для встречи понадобился бы не один удобный скриншот, а всё, что связывало работу с живым процессом. Вера вернулась к письмам и контактным листам. Для каждого своего снимка указала папку, дату, исходный файл или номер негатива, переписку и разрешение на показ. Несколько разрешений нужно было обновить: люди соглашались на публикацию в проекте студии, а конкретный состав выставки она ещё не называла.

Она не стала дописывать в таблицу «доказано». Картинки не получали надёжных подписей оттого, что она сама поставила их рядом с номерами. Нужны были разговор и готовность другой стороны посмотреть материалы.

Вера нашла номер Аси в общей переписке о размерах рам. В этой группе она когда-то отвечала только на вопросы о файлах, а потом перестала её открывать: Антон говорил, что так удобнее, один контакт на всю организацию. Теперь старые сообщения пришлось пролистать до самого начала.

Ася взяла трубку после нескольких гудков.

— Вера, здравствуйте. С размерами что-то не так?

— С подписями. Я вчера увидела каталог. Там указано, что автор всех двадцати фотографий — Антон. Четырнадцать снимала я.

На другом конце стало тихо. Вера слышала только шорох бумаги.

— Я получила подборку от студии, — сказала Ася. — В письме был один автор проекта. Вы раньше обсуждали это между собой?

— Мы обсуждали совместную серию. Я не знала, что из совместной она стала персональной.

Вера помолчала и добавила, чтобы Асе не приходилось догадываться о главном:

— Мы развелись. Но я звоню не за тем, чтобы переносить развод в галерею. Мне нужны правильные имена под фотографиями.

— Понимаю. Сразу скажу: галерея не сможет разрешить ваш имущественный спор.

— Я этого не прошу.

— Хорошо. Тогда мне нужен список работ и то, на основании чего мы можем их разделить. Не только подпись в свойствах файла. И согласия героев на выставку. Мы можем сегодня встретиться?

Вера посмотрела на часы. До пяти, когда её ждал Михаил, оставалось достаточно времени.

Они договорились на середину дня. Ася попросила прислать таблицу заранее и не писать в общую группу ничего, что потребует от людей немедленно выбирать сторону.

— Я сначала посмотрю, — сказала она. — И поговорю с Антоном отдельно. В типографию основной тираж пока не ушёл. Есть несколько пробных листов. Это хорошая новость.

Вера положила телефон и распечатала ещё одну копию каталога. На этот раз ей было проще держать карандаш. Она не стала зачеркивать фамилию Лебедев: просто вписала рядом с каждым нужным снимком своё полное имя.

На диске оставалась папка, которую она не открывала давно. Внутри лежали кадры, не вошедшие в старую подборку. Вера остановилась на оптике Фёдоре: тот сидел под узкой настольной лампой, рассматривая вынутую линзу рядом с пустой оправой. Две гардеробщицы, Ирина и Зоя, делили последнюю конфету перед пустыми вешалками. Галина ждала машину у служебного входа хлебозавода, прикрывая шею воротником. Механик Степан мыл руки у служебной раковины; над ним белел прямоугольник от снятого календаря.

Эти четыре кадра когда-то показались ей слишком тихими. Антон говорил, что для общей серии нужно больше движения. Вера тогда согласилась отложить их.

Она создала для этих четырёх кадров отдельную маленькую папку. Пока без решения о печати.

Глава 4. Без помощницы

В галерее пахло свежей краской и мокрыми пальто. У лестницы стояли пустые подрамники, возле стены лежала свёрнутая дорожка из плотной бумаги. Вера перешагнула через провод и остановилась у стола, на котором были разложены планы развески.

Ася оказалась ниже, чем Вера представляла по видеозвонкам. На ней были широкие тёмные брюки и белая рубашка с засученными рукавами. Она убрала со стула рулетку, предложила сесть и сразу подвинула к Вере распечатанный список.

— Я посмотрела ваши примечания. Давайте по порядку.

Вера достала контактные листы, конверт с плёнкой и ноутбук. Она готовилась, что придётся рассказывать всё сначала — когда они поженились, как открыли студию, почему решили разойтись. Но Ася указала на первую строку таблицы.

— Здесь кто договаривался с героем?

— Я. Переписка вот в этой папке.

— На выставку он согласен?

— На участие в серии согласен. Я уточню формат и отправлю ему приглашение.

Они шли от строки к строке. Вера показывала соседние кадры, Ася проверяла названия и ставила пометки. Несколько раз она просила не открывать всю почту, а вывести конкретное письмо. Один раз спросила, не было ли у них соглашения, по которому все произведения публиковались под общей вывеской.

— Под вывеской студии — да, — сказала Вера. — Но в этом каталоге студия осталась только внизу, среди партнёров.

Она положила на стол страницу с благодарностями. Ася прочитала и сдвинула брови.

— Мне прислали этот вариант вчера утром. Я не знала, что вы его не согласовали.

— Я тоже не знала, что его уже согласовали без меня.

Слова прозвучали острее, чем Вера хотела. Она поправила угол листа, хотя тот лежал ровно.

— Простите. Вы сейчас не тот человек, которому я должна это говорить.

— Мне важно понять, что именно мы можем показывать, — ответила Ася. — Остальное вы сможете обсуждать отдельно. Я не хочу, чтобы в четверг под рамами стояли подписи, с которыми один из авторов не согласен.

На столе завибрировал Асин телефон. Она посмотрела на имя и повернула экран к себе.

— Антон. Я ему перезвоню после нашей встречи.

Вера кивнула. Ей было приятно, что Ася не включила громкую связь и не предложила им втроём немедленно выяснить отношения.

Они ещё раз посмотрели двадцать выбранных изображений. Ася не обещала, что каждый пункт будет решён уже сегодня. Нужно было получить Антонов ответ, сверить файлы и переделать тексты. Галерея могла остановить печать каталога, но уже разосланное приглашение нельзя было вернуть из чужой памяти.

— Что для вас приемлемо? — спросила она.

Вера знала, от чего хочет отказаться. Сказать, чего она хочет вместо этого, оказалось труднее.

— Чтобы мои снимки не показывали под его именем. И чтобы меня представляли фотографом, а не человеком, который помогал.

— Если договориться не получится, вы готовы снять свои работы?

Вера посмотрела в пустой зал. Между окнами уже были размечены места для рам. Она представила Нинины руки на белой стене, человека, который остановится перед ними и не пройдёт сразу дальше.

— Готова, — сказала она. — Но я хочу, чтобы эта серия состоялась. Я для неё снимала, а не только спорила.

Ася записала её слова коротко, без кавычек.

Потом они прошли по залу. Ася показала, где будут стоять временные перегородки и почему под большим окном нельзя повесить самые тёмные отпечатки: вечером стекло начнёт отражать потолочные светильники. Вера остановилась у стены, которую на плане обозначили буквой «Б».

— Если здесь будет портрет Нины, ему нужно чуть больше воздуха, — сказала она. — Рядом со слишком крупным кадром он теряется.

Ася приложила к стене ладонь, прикидывая расстояние.

— Давайте пометим. Но пока не утверждаем развеску: сначала авторский состав.

— Конечно.

Вера сделала на плане короткую пометку и спросила, будут ли белые поля прятать под паспарту. Раньше все подобные вопросы она передавала Антону, хотя ответ приходилось в конце концов искать ей самой. Сейчас Ася сразу показала образец рамки, объяснила допустимый размер и записала, что прислать для проверки.

Вернувшись к столу, они продолжили разговор уже с открытым планом между ними.

— Тогда начнём с состава и подписей. Пришлите завтра подтверждения по согласиям и недостающие письма. Я параллельно уточню возможность отдельных авторских блоков. Если убираем или добавляем работы, это меняет весь план. Пока ничего не обещаю.

Когда Вера вышла из галереи, у неё было ощущение, будто она полдня несла тяжёлый предмет и наконец поставила его на пол. Предмет никуда не исчез, но руки уже не дрожали.

Антон позвонил через десять минут.

— Ты была у Аси?

— Да.

— Я же сказал, что посмотрю замечания.

— Она отвечает за выставку. Мне надо было с ней поговорить.

— Можно было сначала написать мне. Я бы сам всё объяснил.

Вера стояла у перехода. На противоположной стороне женщина держала ребёнка за капюшон, пока тот пытался достать ногой до лужи. Машины шли плотным рядом, никто не пропускал.

— Я уже объяснила свою часть, — сказала Вера. — Твою Ася спросит у тебя.

— Зачем делать вид, что мы враги? Мы столько лет работали нормально.

Зелёный человечек на светофоре загорелся раньше, чем Вера ответила. Она перешла дорогу и остановилась под навесом автобусной остановки.

— Нормально — это когда я вижу своё имя под своей фотографией. Дальше мы можем обсуждать оформление.

Он выдохнул. На этот раз Вера не стала заполнять паузу.

— У меня сейчас встреча с дизайнером, — сказал Антон. — Вернёмся вечером.

— Хорошо. Я буду на связи после шести.

В лабораторию она пришла ровно в пять. Михаил посмотрел на часы так демонстративно, что Вера показала ему экран своего телефона.

— Даже на двадцать секунд раньше.

— Тогда эти двадцать секунд я запишу себе в резерв.

Он уже подготовил первые цифровые пробы. Вера сняла куртку, повесила на отдельный крючок и подошла к столу. На одном из отпечатков стена действительно пропала в чёрном. На другом слишком заметным стал кран в углу мастерской. Третий держал и лицо, и стену, но терял ту тесноту, ради которой она снимала.

— Это самый правильный, — сказала она и отложила третий. — Но мне не нравится.

Михаил ничего не ответил. Подождал.

Вера взяла первый, тот, где штукатурка почти исчезла.

— Здесь комната не отвлекает. Он будто сидит один, хотя у него в мастерской всё завалено.

— Тогда оставим эту плотность. Я только вытащу край куртки, чтобы рука не повисла отдельно.

— Покажешь до печати?

— Конечно.

Она наклонилась к монитору, показывая место, где хотела сохранить тень. Михаил отодвинул мышь и дал ей самой попробовать. Пальцы Веры быстро нашли нужное движение. Она не смотрела на него, но чувствовала, что он следит не за её руками, а за изображением.

Следующие сорок минут они спорили о двух миллиметрах полей и о том, насколько серой может быть белая рубашка в полутёмном магазине. Вера поймала себя на том, что говорит всё быстрее. Ей было интересно. Это простое чувство оказалось почти неловким после дня, в котором каждый разговор требовал выдержки.

Без пяти шесть Михаил выключил лишнюю лампу и сказал:

— Дальше завтра. У меня сейчас ещё один человек, а я ему тоже обещал, что это ненадолго.

Вера отступила от стола.

— Я помню. За пробы как удобнее оплатить?

Он прислал ей расчёт, пока она надевала куртку. Никаких округлённых в её пользу сумм в нём не появилось. Вера перевела деньги и показала подтверждение.

— Завтра у меня свободно с одиннадцати, — сказал Михаил. — На плёнку и на всё, что останется.

— Я приду.

Вера забрала три пробы и свой конверт. У двери обернулась: Михаил уже переставлял стулья для следующего посетителя. Один стул он оставил у монитора, второй придвинул к столу.

Своё место она теперь узнавала без подписи.

Глава 5. Цена бумаги

В субботу Михаил встретил Веру с рулоном упаковочного картона под мышкой.

— Я помню про одиннадцать, — сказал он вместо приветствия. — Но машина с бумагой вспомнила только что. Дай пять минут.

Он открыл дверь курьеру, и следующие десять минут в маленьком зале перекладывали коробки. Вера отошла к окну, чтобы не мешать. На телефоне было два ответа от героев серии и один вопрос о том, надо ли приходить на выставку нарядным. Она ответила, что одежда значения не имеет, и приложила адрес галереи.

Михаил сверил накладную, расписался и поднял на неё виноватый взгляд.

— Двенадцать минут. Я плохой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.